

ПИОНЕР

АВГУСТ

Издательство „Правда“ 1945 г.

8

Герой нашего времени

Хочешь знать будущее страны — посмотри на её детей, на её молодёжь.

Мы не можем увидеть зданий, которых ещё нет, но вот они, руки, которым строить. Мы не знаем, какими будут самолёты будущего, но вот люди, которые их конструируют. И если растут они, эти люди, крепкими, сильными духом, — значит странно жить, строить и побеждать.

В литературе разных времён и народов есть много книг, в которых описан молодой человек. Мы знаем Печорина, Онегина, молодых Ростовых, Павла Власова. Это не важно, что их не было на земле, что они созданы воображением писателей и живут только в книге. Умный писатель сумел уловить самое характерное, что было в молодом человеке его времени, и мы видим: такие они и были, молодые люди тех времён, когда нас ещё не было на свете.

А каков же молодой человек нашего времени? О нём пока ещё написано мало книг. Мы узнаём о нём не из толстых романов — в газетных заметках и в журнальных статьях читаем мы о том, как он живёт, что делает, о чём думает, как сражается и как трудится.

Мы видим его в жизни — героя нашего времени, молодого человека чудесной нашей Советской страны. И есть в нашем языке слово, которое очень точно его определяет, — комсомолец.

В этом номере журнала рассказано о нескольких комсомольцах. На обложке — лётчик Алексей Катрич. Он уничтожал не-

мецкие самолёты, он бесстрашно сражался и никогда в бою не думал о себе — только о победе. Он получил самую дорогую награду — Золотую звезду — и самое славное звание — Героя Советского Союза.

Золотой звездой Героя наградили и комсомольца Олега Кошова. Это было уже после его смерти. Умирая, он не знал, как оценит страна его подвиг, что будут говорить о нём те, которые останутся жить, и будут ли вообще говорить о нём. Не для славы он жил — для родины.

Комсомолкой была студентка, ставшая во время войны медицинской сестрой, Гуля Королёва. Комсомолец — «младший сын Соловья», танкист Андрей Кузнецов...

Журнал рассказывает о немногих комсомольцах, но их в нашей стране миллионы. Воспитанные партией Ленина — Сталина, они растут верными ее помощниками.

Лучшие качества, которыми обладал когда-либо молодой человек прошлого и о которых рассказали нам книги, мы видим в героях нашего времени — в комсомольцах. Добрые к друзьям, они ненавидят врагов, которые хотят гибели их родины. Любящие всё мирное — книги и спорт, работу и игру, — они полюбили оружие, когда оно понадобилось для защиты страны. Любящие жизнь, они не побоялись смерти.

И если тот, кто носит сейчас красный галстук, кому ещё расти и расти, хочет быть достойным своего времени, — он может сказать просто: хочу быть комсомольцем.

Герой Советского Союза Надежда Троян.

Разговор с будущими комсомольцами

Навсегда запомнила я тот день, когда меня, поонерку, приняли в комсомол. Вздонованная и счастливая, я продумывала всю свою жизнь, перебирала в памяти все свои поступки. Мне страстно хотелось сейчас же, немедленно, совершить что-нибудь большое, героическое. И в то же время я говорила себе: «Ты должна быть настоящей комсомолкой всегда и во всём — и в большом и в мелочах». Я давала себе слово выполнять то, что поручит мне комсомол, так хорошо, как только могу, всегда ставить перед собой благородные, высокие цели, быть прямой, настойчивой, смелой. И часто, очень часто, ребята, помогала мне потом принять правильное решение мысль о моём комсомольском долге. Когда я стала пионервожатой, мы с моими ребятами не раз, бывало, подолгу толковали о том, что значит стать комсомольцем.

И вот пришёл ещё один день, которого я тоже никогда не забуду, — день, когда для каждого из нас началась суровая проверка. Это был первый день войны.

Как только мы узнали о нападении фашистской Германии на Советский Союз, все комсомольцы нашего института (я училась тогда в Минске, в медицинском институте) собрались возле комитета комсомола. Все мы чувствовали, что надо быть обязательно вместе, надо сейчас же решить, что мы будем делать. Само собой возникло комсомольское собрание, короткое, но такое, что никто из нас никогда о нём потом не забывал. Родина в опасности! Эти слова, полные ещё неизвестного, но сильнейшего смысла, потрясли нас.

Дел в городе было уже много — надо было тушить пожары, эвакуировать детей, помогать

многосемейным и старым людям добраться до вокзала. Комсомольцы распределили обязанности и поспешно разошлись в разные районы города.

Я не успела выехать из Минска. С первых же дней, как в город пришли немцы, я обдумывала, с чего мне начать... Прежде всего я установила тайную связь с несколькими знакомыми комсомолками. Вскоре нам представился случай сделать первое полезное дело: через Минск проходила колонна советских военнопленных — мы помогли бежать чегырём офицерам.

Первые задания партизан мне было страшно вато выполнять, но это был страх особый: я боялась не немцев, а самой себя. Вдруг не выдержу роли, вдруг не сумею вполне овладеть собой, где нужно. А уметь владеть собой мне понадобилось прежде всего, потому что партизаны поручили мне работать у немцев. Надо было знать немецкий язык, и я села за его изучение. Очень скоро я уже могла работать у «шефа», то есть начальника одного крупного предприятия.

Моя роль мне очень не нравилась. Мне хотелось в лес, к партизанам. Я думала, что только там можно по-настоящему бороться. Да и хотелось мне видеть себя в полушубке, с автоматом, обвешанной гранатами, — словом, настоящей партизанкой!.. Однажды я завела разговор с знакомыми партизанами о том, чтобы меня взяли в отряд. Но мне сказали: «Ты нам нужнее там, где ты сейчас. И разве мало для тебя и для твоих подруг дела? Создайте подпольную комсомольскую организацию. Помогайте нам доставать оружие. Позаботьтесь о партизанских семьях — кто, кроме вас, о них позаботится? Готовьтесь и к тому, чтобы выполнять наши задания...»

Я всё поняла. И стала воспитывать в себе уметь хорошо действовать в подполье. Мы создали подпольную комсомольскую организацию. С нами вместе работали пионеры, замечательные ребята. Когда мы печатали листовки, они помогали нам их распространять и делали это очень ловко: бегали в лес за ягодами, раскладывали ягоды в бумажные кулёчки, в середину каждого кулёчка вкладывали листовку и продавали на базаре. Они же расклеивали листовки на улицах.

Когда мы собирали продукты для семей партизан, пионеры разносили их по домам, но так, чтобы никто не видел, кто принёс, даже тот, кому посылочка предназначалась. Вечером или рано утром ребята подбирались к крылечку и осторожно подбрасывали узелок. В этом узелке часто лежал конверт с деньгами — членские взносы комсомольцев: мы собирали их, делили и отсылали таким способом партизанским семьям.

Всё это выглядит, может быть, романтично, и, наверно, не один из вас сейчас думает: «Эх, мне бы так, я бы с честью поработал!» Я тоже уверена в этом, и всё же мне хочется сказать вам

вот что: случается часто, что увлечётся человек прогулкой, заберётся далеко в лес и заблудится, а тут и ночь подойдёт. Надо ночевать одному. И — ох, каким опасным представится сразу ночной лес! Начнутся сожаления — зачем пошёл, не лучше ли было бы сидеть дома, в безопасности... Не ограничивайтесь же, ребята, мечтами о подвигах: воспитывайте в себе мужество и стойкость. Они пригодятся вам всегда, даже в самых мирных условиях.

Ну, а что касается повседневной жизни партизан, то она очень далека от романтики. Это трудная, полная лишений и опасности жизнь. И всегда надо быть готовым отважно встретить смерть. Не дрогнуть под пытками.

Володя Косаревский, одиннадцатилетний пионер, был замечательным помощником партизан. Он пришёл в отряд вместе со старшим братом. Володя ходил в разведку, не отставал от брата, когда тот бывал в боях, и охотнее всего шёл туда «где страшнее», как он сам говорил. В горячем бою Володя был ранен. Один товарищ стал подбираться к нему, чтобы вынести его в безопасное место. В это время двое немцев схватили раненого мальчика и унесли. После боя партизаны послали разведку, чтобы узнать, где Володя: надо было во что бы то ни стало спасти его. Но разведчики донесли, что он уже в тюрьме и что его страшно пытают. Немцы ничего не узнали от Володи о партизанах. После страшных пыток Володю отправили в концлагерь. И больше никто из нас ничего не слышал об этом мужественном мальчишке.

Да, пионеры героически защищали родину, они были нам верными и надёжными помощниками.

Пионер Геня Шидловский работал курьером в канцелярии того самого «шефа», у которого работала я. Он с товарищем помог нам сделать одно важное дело. В партизанский отряд надо было непременно отправить пишущую машинку и телефонный аппарат. Где их взять, чтобы не навлечь на себя подозрений? Мы с Шурой Боровской, работавшей вместе со мной в канцелярии, решили, что отоплём в отряд нашу машинку и наш аппарат. Но как отослать? Кто доставит? Ходить по улице с такими вещами — значило уже стоять одной ногой в могиле...

Наши пионеры придумали: они отпрасятся накануне у «шефа» к себе домой на несколько дней и уйдут. На другой вечер один из них, переодетый, привезёт дрова в канцелярию, лошадь будет партизанская. Он принесёт несколько охапок дров к печке и потихоньку вынесет в сани машинку и аппарат. А потом окольными путями поедет к партизанам на условленное место.

Ребята ушли в лес, к партизанам, обо всём договорились, и план был осуществлён. На столе, там, где стояла машинка, остался один футляр.

В моей жизни этот случай был, пожалуй, завершением какого-то первого этапа, проверкой того, как мне удалось воспитать в себе выдержку. Я уже сказала, что мы отдали пишущую машинку, на которой работала я. Значит, я первая должна была обнаружить пропажу.

Я долго обдумывала, как это сделать. Как актриса, готовилась я разыграть эту сцену. Ложь всегда была мне противна. Когда я была ещё пионервожатой в школе, мы с ребятами часто беседовали о правдивости, мне хотелось, чтобы пионеры воспитали в себе прямоту и честность, я учила их этому так же, как и меня учили дома, в школе, в пионерском отряде, в комсомоле. Но то, что мне предстояло теперь, было уже не ложью, это был способ борьбы с врагом, и мне нужно было найти в себе большую силу воли, чтобы довести этот эпизод борьбы до конца.

Мой «шеф» был свирепый волк, допрашивавший и пытавший множество советских людей. Вдруг он заметит во мне что-нибудь неестественное — какой-нибудь взгляд или нервное движение?.. «Смирно!» — сказала я себе и отправилась утром в канцелярию. Когда пришёл «шеф», я спросила его, нельзя ли послать к нему домой за машинкой и телефонным аппаратом.

— Почему ко мне домой?

— Здесь их нет, разве они не у вас?

Случалось, что он брал к себе машинку, а телефон был переносный.

Немец вскочил и вышел в общую комнату. Осмотрев все углы, он приказал задержать служащих и устроил допрос. Никто ничего не мог сказать, посторонние сюда не входили. Не добившись толку, он вызвал меня к себе в кабинет:

— Вы что-нибудь знаете о пропаже? Нет? Хорошо. Проследите за этими людьми. Если что-нибудь услышите или заметите, скажите мне. И не говорите нигде об этом происшествии. Если солдаты узнают, что здесь, в таком охраняемом месте, появился партизанский дух, они потеряют голову и будут бояться ходить по улицам...

Потом у меня много было разных заданий. Каждое из них требовало напряжения всех нравственных сил. Я не могу даже сказать, что было более опасно, что менее, — опасность была всегда, каждый день, каждый час.

Однажды в Минске была облава. Партизаны только что совершили какое-то покушение. Я ехала на велосипеде на завод. Меня остановили и вместе с велосипедом засунули в огромную машину. Мне ни в коем случае нельзя было здесь находиться, мне надо было уйти. Но как? Подумав, я обратилась к жандарму по-немецки:

— Вы знаете господина такого-то? (называю фамилию «шефа»).

— Знаю.

— Я в Минске по его поручению. Вот его велосипед, он дал мне его, чтоб я не ждала попутных машин. Выпустите меня, иначе он будет недоволен, что задерживают его служащих.

Как это ни удивительно на первый взгляд, но жандарм меня выпустил. Дело в том, что у немцев чиновничество так развито, что одного имени «шефа» было достаточно для рядового жандарма, чтобы он не посмел перечить. Я давно подметила эту особенность немцев. За городом меня снова остановили. Я снова употребила тот же приём, но патрульный сказал, что не пропустит:

— Если знаешь какие-нибудь тропинки, сворачивай в сторону.

Тропинок я не знала. Но, конечно, свернула, лишь бы уйти. Вскоре я увидела трёх чехов — они шли из леса мне навстречу. Я спросила у них, не знают ли они какой-нибудь обходной тропы. Они вызвались меня проводить. По дороге разговорились, наполовину по-чешски, наполовину по-украински. Не знаю, что со мной произошло, только я в каком-то порыве сказала им:

— Отчего вы не боретесь с немцами, что ж вы воюете против нас? Ваше место в партизанских отрядах.

Чехи сначала сторонели, потом один из них взял мою руку и очень по-хорошему сказал:

— Помоги нам связаться с партизанами.

Я опомнилась, поняла, что сделала непростительную оплошность. Но что-то внутри мне подсказало, что они меня не предадут. Я назначила им встречу. Потом я слышала, что эти трое и ещё несколько их товарищей были отважными партизанами.

Красная Армия гнала немцев на запад, и всем нам хотелось ещё горячее помогать Красной Армии, так, чтобы иметь нравственное право с честью встретить её. И я снова и снова проверяла себя, всё ли я делаю, что в моих силах, чтобы помочь освободить родину.

Мы победили. Война кончилась. И, вдумываясь в эти годы, вспоминая, как сражались и трудились комсомольцы, я горжусь тем, что мой родной комсомол выдержал экзамен, оказался надёжным помощником партии. Я думаю о том, какая это высокая честь — быть членом ВЛКСМ и как нужно дорожить ею. Вот об этом-то мне и хотелось сказать вам, тем, кто скоро вступит в комсомол и получит такую же маленькую серую книжечку, какую ношу в своём кармане и я.

Надежда Троян,
Герой Советского Союза

Возвращение Олега

(Из романа «Молодая гвардия»)

Александр Фадеев Рис. А. Житомирского

В течение многих дней через Краснодон и близкие города и посёлки двигались главные силы немецких войск: танковые части, пехота на машинах, тяжёлые пушки и гаубицы, части связи, обозы, санитарные и сапёрные части, штабы больших и малых соединений. Гул моторов, не умолкая, катился по небу и по земле. Массы были много застилали небо над городом и над степью.

Все эти первые дни существования под властью немцев, ошеломлённые даже внешним видом движения этих колоссальных масс неприятельских войск, местные жители почти не общались друг с другом. Никто из местных жителей не разбирался в том, какое немецкое начальство здесь временно, а какое постоянно, какая власть установилась в городе и что требуется от жителей, кроме того, что творилось у каждого в доме по произволу проходящих солдат и офицеров. Каждая семья существовала сама по себе, и, всё более сознавая безвыходность и ужас своего положения, каждая по-своему применялась к этому новому и ужасному положению.

Новым и ужасным в жизни бабушки Веры и Елены Николаевны было то, что в их доме расположились один из немецких штабов во главе с генералом фон Венцелем, его адъютантом и денщиком с палевой головой и палевыми веснушками. Теперь у их дома всегда стоял немецкий часовой. Теперь их дом всегда был полон свободно, как в свой собственный дом, пришедших и уходивших, то совещавшихся, то просто шивших и свших немецких генералов и офицеров, звуков их немецкой речи и звуков немецких маршей и немецкой речи по радио. А хозяйка дома, бабушка Вера и Елена Николаевна были вытеснены в маленькую, нестерпимо душную от бесперерывно топившейся рядом на кухне плиты комнатку и с самого раннего утра до поздней ночи обслуживали вояку немецких генералов и офицеров.

Ещё вчера бабушка Вера Васильевна была заслужившая себе работой на селе общественное имя персональная пенсионерка, мать геолога одного из крупнейших трестов Донбасса, а Елена Николаевна — вдова видного советского работника, заведующего земельным отделом в Каневе, мать лучшего из учеников краснодонской шко-

лы, — ещё вчера обе они были всем известные и всеми уважаемые люди. А теперь они были в полном и беспрекословном подчинении у немецкого денщика с палевой головой и палевыми веснушками.

Генерал барон фон Венцель был настолько поглощён делами войны, что не замечал бабушки Веры и Елены Николаевны. Значительную часть времени он проводил в штабе или, сидя в своей комнате, читал, напечатывал и подписывал бумаги, которые подавал ему адъютант, или часами сидел над картой и пил коньяк с другими генералами.

А адъютант на длинных ногах старался во всё ходить на генерала. Казалось, он, адъютант, даже вырос таким длинным только затем, чтобы ходить на своего длинного генерала. И так же, как генерал, он старался не замечать ни бабушки Веры, ни Елены Николаевны.

Ни для генерала, ни для его адъютанта бабушка Вера и Елена Николаевна не существовали не только как люди, а даже и как предметы. А денщик с палевой головой и палевыми веснушка-

ми был теперь их полновластный начальник и хозяин.

И, осваиваясь с этим новым и ужасным положением, бабушка Вера с первых же дней обнаружила, что она не согласна мириться с этим положением. Хитрая бабушка Вера догадалась, что денщик с палевыми веснушками не настолько властен в присутствии своих начальников, чтобы посметь убить её, бабушку Веру. И с каждым днём она всё смелее пререкалась с денщиком, а когда он кричал на неё, она сама кричала на денщика. Однажды, вспылив, он шнул её своим громадным каблучком в поясницу, но бабушка в ответ изо всей силы ударила его сковородкой по голове и, как это ни странно было, побагровевший денщик словно захлебнулся. Такие странные и сложные отношения установились у бабушки Веры с денщиком с палевыми веснушками. А Елена Николаевна всё ещё находилась в состоянии глубокого внутреннего оцепенения и, неподвижно нося чуть закинутую назад голову в короне пышных светлорусых волос, механически, молча исполняла то, что от неё требовали.

В один из таких дней Елена Николаевна шла по улице, параллельной Садовой, за водой и вдруг увидела двигающуюся ей навстречу знакомую подводку, запряжённую буланым коньком, и идущего рядом с подводой сына Олега.

Елена Николаевна беспомощно оглянулась, выронила вёдра и коромысло и, раскинув руки, кинулась к сыну.

— Олечка... мальчик... — повторяла она, то припадая лицом к груди его, то поглаживая его светлорусые, позолотившиеся от солнца волосы, то просто касаясь ладонями его груди, плеч, спины, бёдер.

Он был выше её на голову; за эти дни он сильно загорел, ослумел в лице, возмужал; но сквозь эту возмужалость более чем когда-либо проступали те, навеки сохранившиеся для неё в сыне черты его, какие она знала в нём, когда он лепетал первые слова и делал первые шаги на полных, круглых загорелых ножках и его заносило вбок, как ветром. Он действительно был ещё только большое дитя. Он обнимал мать своими большими сильными руками, а глаза его из-под широких светлых бровей сияли так, как они сияли матери все эти шестнадцать с половиной лет, — чистым и ясным сыновним светом, и он всё повторял:

— Мама... мама... мама...

Никого и ничего не существовало для них в эти несколько мгновений; ни двух немецких солдат, из ближнего двора наблюдавших за ними, — нет ли в этом чего-либо, нарушающего порядок, Ordnung, ни стоявших возле брички родных лю-

дей, с разными чувствами смотревших на встречу матери и сына: дядя Косля — флегматично и печально, тетя Марина — со слезами на чёрных, красивых утомлённых глазах, трёхлетний мальчик — удивлённо и капризно, почему не его первого обнимает и целует тётя Лена, а дед-возчик — с тактичным выражением старого человека, вот, мол, какие дела бываю на свете. А добрые люди, тайком наблюдавшие из окон за встречей так похожих друг на друга реслого юности, с непокрытой опалённой солнцем головой, и совсем ещё молодой женщины с пышными косами, окружавшими её голову, могли бы подумать, что это встретились брат и сестра, когда б они не знали, что это Олег Кошевой вернулся до матери своей, как возвращались теперь сотни и тысячи краснотолпцев, не успевших уйти от беды, возвращались к своим родным, в свои хаты, занятые немцами.

Марина с маленьким сыном поселилась в комнатке рядом с кухней вместе с бабушкой Верой и Еленой Николаевной. А Николай Николаевич и Олег сбили себе из досок два топчана и кое-как устроились в деревянном сарайчике во дворе.

Бабушка Вера, истомившаяся без слушателей (не могла же она считать собеседником денщика с палевыми веснушками!), сразу обрушила на них ворох городских новостей. Ни одно предприятие и учреждение не работает, но, по приказу немецкого коменданта, люди обязаны являться по месту работы и отсиживать положенные часы. Немцы вылавливают в городе евреев и увозят под Ворошиловград, где будто бы образовано гетто, но многие говорят, что на самом деле евреев довозят только до Верхнедубанской рощи и там убивают и закапывают. И Мария Андреевна Борц очень боится за мужа, чтобы кто-нибудь его не выдал. До сих пор ни один коммунист и ни один комсомолец не явились на регистрацию к немецкому коменданту («да чтоб я сама им в плотку полезла, — нехай вони так подавятся!» — сказала бабушка Вера), да, говорят, многих уже раскрыли и арестовали, но кого именно, про то бабушка Вера не знала. После пожара в тресте, при сходных обстоятельствах сгорела шовая баня за Шанхаем: немцы только прибрали и оборудовали здание под казарму, как вдруг здание загорелось. Из разговоров немецких солдат было известно, что в районе станицы Митякинской и в других местах идут сильные бои между немецкими частями и партизанами. И в связи со всеми этими делами в городе и в районе арестовали по подозрению много невинных людей.

С того момента как Олег вернулся домой, то оцепенение, в котором все дни со времени его отъезда, а особенно с приходом немцев находилась Елена Николаевна, снялось с неё, точно вол-

шебной рукою. Она теперь всё время находилась в состоянии душевного напряжения и той энергической деятельности, которая так свойственна была её натуре. Как орлица над вышавшим из гнезда орлёнком, кружила она над сыном. И часто-часто ловил он на себе её внимательный напряжённо-беспокойный взгляд: «Как ты, сынок? В силах ли ты вынести всё это, сынок?»

А он после того нравственного подъёма, который он испытал в дороге, вдруг впал в глубокое душевное оцепенение. Всё было не так, как он представлял себе.

Юноше, вступающему в борьбу, она предстаёт в мечтах как непрерывный ряд подвигов против насилия и зла. Но зло оказалось неувеличимым и каким-то невыносимо мерзко будничным.

Не было в живых лохматого, чёрного, простодушного пса, с которым Олег так любил возиться. Улицы с вырубленными в дворах и палисадниках деревьями и кустами выглядела полтой. И по этой голой улице, казалось, ходили голые немцы.

Генерал барон фон Венцель так же не замечал Олега, Марину и Николая Николаевича, как он не замечал бабушки Веры и Елены Николаевны.

Бабушка Вера, правда, не чувствовала ничего оскорбительного для себя в поведении генерала.

— То ж ихний новый порядок, — говорила бабушка. — А я вже стара и знаю, що то дуже старый порядок, як був у нас при крепостном праве. При крепостном праве у нас тож були немцы-помещики, таки ж надменни и таки ж каты, як щий барон, хай ему очи повывлазють. Що ж мени на его обижаться? Он всё равно будет такой, пока наши не прийдуць, та не выдеруть ему глотку...

Но для Олега генерал с его узкими блестящими штиблетами и чисто промытым кадыком был главным виновником того невыносимого унижения, в какое повернуты были Олег, и близкие к нему люди, и все люди вокруг. Освободиться от этого чувства унижения, казалось, можно было, только убив немецкого генерала, но на место этого генерала появится другой и притом совершенно такой же — с чисто промытым кадыком и блестящими штиблетами.

Но кто действительно делал жизнь молодых людей невыносимой, так это денщик с палевыми веснушками. У денщика было удивительно много свободного времени: он был главным среди других денщиков, поваров, солдат хозяйственной команды, обслуживавшей генерала. И всё свободное время денщика с палевыми веснушками уходило на то, чтобы снова и снова расспрашивать молодых людей, как они хотели уйти от немцев и как им это не удалось, и, в который уже раз,

высказывать им свои соображения о том, что только глупые или дикие люди могут хотеть уйти от немцев.

Он преследовал молодых людей и в дровяном сарае, где они отсиживались, и на дворе, когда они выходили подышать свежим воздухом, и в доме, когда генерал отсутствовал. И только появление бабушки освобождало их от преследований денщика.

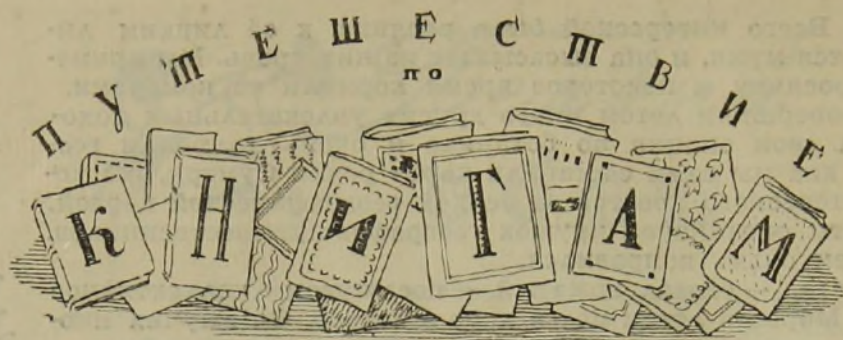
Как это было ни странно, но промадный, с красными руками денщик, внешне державшийся с бабушкой так же развязно, как и со всеми, побаивался бабушки Веры. Немец-денщик и бабушка Вера изъяснялись друг с другом на чудовищной помеси русского и немецкого языков, подкрепляемой мимической работой лица и тела, всегда очень точной и ядовитой у бабушки и всегда очень грубой, какой-то плотской, и глупой, и злой у денщика. Но они великолепно понимали друг друга.

Теперь вся семья сходилась в дровяном сарае завтракать, обедать и ужинать, и всё это проделывалось точно узрядкой. Ели постные борщи, зелень, варёную картошку и — вместо хлеба — пшеничные пресные лепёшки бабушкиного изготовления. У бабушки было припрятано ещё не мало всякого добра. Но после того, как немцы пожрали всё, что плохо лежало, бабушка стряпала только постное, стараясь показать немцам, что больше и нет ничего. Ночью, когда немцы спали, бабушка тайком приносила в сарай кусочек сала или сырое яичко, и в этом тоже было что-то унижительное — есть, прячась от дневного света.

Вальзько не подавал вестей о себе. И Ваня не приходил. И трудно было представить себе, как они встретятся. Во всех домах стояли немцы. Они с ревнивой наблюдательностью присматривались к каждому проходящему человеку. Даже обычная встреча, разговор на улице вызывали подозрение.

В те часы, когда ни генерала, ни его адъютанта не было дома, Олег и Николай Николаевич заходили в родной дом. В нос им ударял сложный парфюмерный запах, запах затрапичного табака и ещё тот специфический холостяцкий запах, который не в силах залупить ни запахи духов, ни табака и который в равной степени свойственен жителям генералов и солдат, когда они живут вне семьи.

В один из таких тихих часов Олег вошёл в дом проведать мать. Немецкий солдат-повар и бабушка Вера молча стряпали на плите — каждый своё. А в горнице, служившей столовой, развалившись на диване в ботинках и в пижамке, лежал денщик, куря и, видно, очень скучал. Он лежал

В Краснодаре, в городском саду, стоит памятник. На цоколе его золотая надпись: «Герои Советского Союза Евгений и Геня Игнатовы». К памятнику часто приходит отец братьев-героев, бывший командир отряда краснодарских партизан Пётр Карпович Игнатов. Его тотчас окружают ребятишки, и по их просьбе он рассказывает о том, как вся семья Игнатовых, вместе с матерью, вместе с младшим сыном, школьником Геней, ушла в партизанский отряд, как воевал этот отряд с немцами, как погибли молодые герои-братья Игнатовы.

Некоторые из рассказов П. К. Игнатови собраны в книгу, которую Детгиз издал для вас, ребята. Книга эта называется «Братья-герои».

О партизанах, об отважных, неуловимых и грозных хозяевах лесов, рассказывает в своей книге «От Путивля до Карпат» и знаменитый партизанский командир, дважды Герой Советского Союза С. А. Ковпак.

Благородные поступки, славные подвиги остаются в памяти людей на долгие годы. Прочитав повесть В. Юрьева «Гренадер Леонтий Коренной», вы узнаете о

человеке, который жил больше столетия тому назад, но о котором мы вспоминаем и сейчас с любовью и уважением, об участнике Отечественной войны 1812 года, простом русском солдате, беззаветно преданном родине.

С увлечением прочтает, вероятно, каждый из вас научно-фантастический роман С. Белыева «Приключения Сэмюэля Пингля». Он приоткроет перед вами некоторые тайны микробиологии.

Читая книжку Н. Плавильщикова «Недостающее звено», вы вместе с героем её Тингом перенесётесь на миллион лет назад, в начало четвертичного периода, когда по Южной Европе бродили гигантские слоны, а в реках плескались бегемоты, и встретите питекантропа, промежуточное звено между обезьяной и человеком.

Среди книг, недавно вышедших в Детгизе, вы найдёте произведения русских классиков: «Хаджи Мурат» Л. Н. Толстого, «Тамань» Лермонтова, две книжки Чехова: «Юмористические рассказы» и «Кашганка».

Обязательно прочитайте эти книги, ребята!

СОДЕРЖАНИЕ

Герой нашего времени II п. обл.	
Разговор с будущими комсомольцами. — Герой Советского Союза Н. Троян	1 стр.
Возвращение Олега. — Ал. Фадеев. Рис. А. Житомирского	4 "
Младший сын Соловья. — Очерк В. Полторацкого. Рис. В. Цельмера	10 "
Победители — Стихи С. Маршака	12 "
Четвёртая высота. — Повесть Ел. Ильиной. Рис. Евг. Эндриксон	13 "

Наши братья за Карпатами. — П. Белявский	20 "
Отовсюду и обо всём	22 "
Лагерный дневник Елена Успенская. Рис. В. Вагагина	24 "
Как стать выносливым. — Заслуженный мастер спорта Н. Озолин	27 "
Первый сбор	30 "
Путешествие по книгам	32 "
Почтовый ящик	III п. обл.

На обложке: картина художника Г. Бершадского «Герой Советского Союза лётчик Алексей Катрич».

Редколлегия: Алякринский П. А., Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Кассиль Л. А., Кононенко Е. В., Маршак С. Я., Орлов В. И., Сафонов В. А., Сысоева А. А., Успенский Л. В.

Подписано к печати 10/VIII—45 года. Изд. № 562. Тираж 24 000 экз. Заказ 1418

A21643. 82×110. 1/16 бум. листа. 76 999 печ. зн. в печ. листе. 2 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.